

Виктор Трифонович Слипенчук, известный советский и российский писатель, давно и плодотворно сотрудничает с еженедельником «Аргументы недели». Рассказы, поэмы и отрывки его повестей и романов регулярно публикуются на наших страницах. Волны изданных произведений писателя достигли Западной Европы, Китая, Японии, Монголии и других стран, где интерес к его творчеству постоянно растёт. Своё новое произведение Виктор Трифонович посвятил юбилею М.С. Горбачёва.

Мы с Мишей (сыном) условились, что на литературный вечер в Колонном зале, посвящённый 80-летию со дня рождения Михаила Александровича Шолохова, пойдём вместе — встретимся у входа.

Был День славянской письменности и культуры — пятница, 24 мая (1985). Меня всегда удивляло — такой знаменательный день практически никак не отмечался в нашей стране. Более того, категорическое невнимание к этому дню со стороны властей даже как бы насаждало его наглядное отсутствие.

Я возвращался в Москву после выступления, организованного Бюро пропаганды СП СССР, и то и дело посматривал на часы. Время поджимало, если не успею — Миша поедет в общежитие Литинститута искать меня, и мы окончательно разминёмся. Опоздание непосредственно на вечер — не волновало. Всюду Шолохова подавали как сверхуспешного писателя — члена ЦК КПСС, члена Правления СП СССР, лауреата Нобелевской премии — куда уж выше?! О том, что Русский Бог проявил на нём свой указующий перст — явил миру именно в День славянской письменности, уву-уву, официально никогда не заострялось.

Два нобелевских лауреата — Пастернак и Шолохов. Два романа — «Доктор Живаго» и «Тихий Дон». Какому из них отдать предпочтение? Вопрос дискуссионный. Меня интересовала (назовём это так) повёрнутость романа к читателю. Почему «Доктора Живаго» читают люди в основном образованные, интеллигентия, а простой народ в большинстве не читает? В то же время роман «Тихий Дон» с интересом читают — и доярки, и пастухи, и врачи, и космонавты.

Причиной моего прохладного отношения к предстоящему вечеру был официоз, плотно окружающий имя великого писателя. Шолохов, как и большинство других крупных русских писателей, в советское время по жизни не был столь успешным, как привыкли его подавать с высоких трибун. У нас на ВЛК (Высших литературных курсах) был спецкурс по Михаилу Александровичу. В 1938 году, когда газета «Правда» печатала главы его романа «Поднятая целина», НКВД втайне от всех, в том числе и от товарища Сталина, готовил арест писателя как руководителя подпольного Белого движения на Кавказе. Я и раньше не жаловался на двуличие, а после несправедливых гонений, которым подвергся сам, оно скоблило нервы, как гвоздём по стеклу.

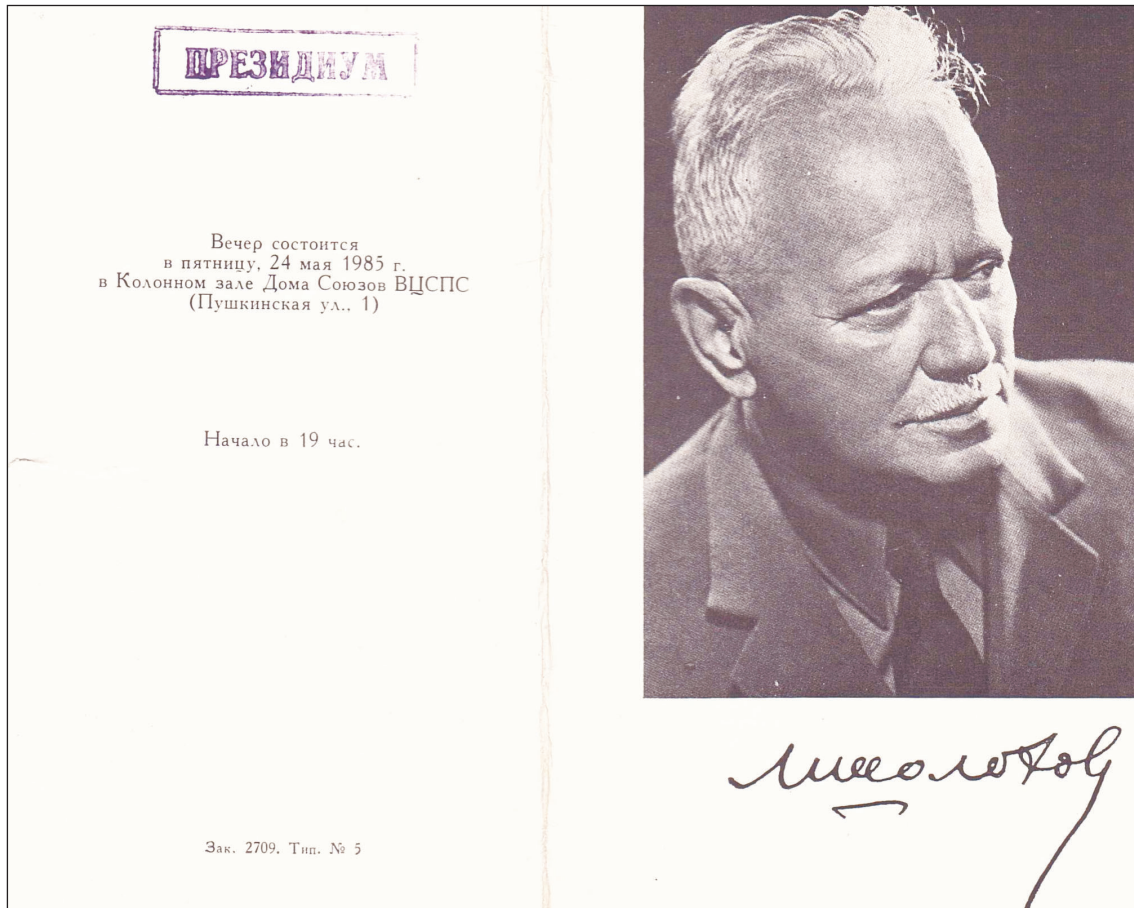
Приехал вовремя, Миша ждал меня. Народу было, словно на станции метро в часы пик. Я через головы передал ему пригласительные билеты и предупредил, что сядем где-нибудь поближе к проходу. Билеты были сложены книжечкой, и за время, что лежали в карманчике костюма за лацканом, я ни разу не удосужился внимательно оглядеть их. Прежде всего потому, что места на них не указывались, а содержание текста подобных билетов хорошо известно. Уже в Колонном зале Миша вдруг сказал: «Папа, наши места — в ПРЕЗИДИУМЕ». «Как — в президиуме?!» — не понял я.

Мгновенно вспомнился разговор с куратором ВЛК Сартаковым, благодаря которому получил эти пригласительные билеты. Его удивление — почему я свою жалобу-телеграмму адресовал Горбачёву, а не Алиеву? «Гейдар Алиевич — депутат Верховного Совета СССР от Алтайского края», — мысленно услышал его полный несокрушимой логики голос.

Догадка потрясла — меня пригласили в ПРЕЗИДИУМ, чтобы лично встретился с Гейдаром Алиевым. Я посмотрел на сцену. В её глубине на заднем плане рассаживались приглашённые второго ряда. В одной из пригибающихся фигур узнал узкоплечего поэта-клерка.

У входа в зал кто-то прокричал здравицу: «Слава КПСС!» И тут же где-то возле подиума: «Слава великому Шолохо-

КНИЖКА ОТ Рассказ

ву!» И словно отзыв со сцены из второго ряда: «Слава советским писателям!» Плеск аплодисментов усилился — к столу президиума стали подходить руководители партии и правительства, Союза писателей СССР и РСФСР. Люди вокруг поднялись с кресел, зал утонул в горячих аплодисментах.

«Папа, пойдём, мы успеем».

У меня не укладывалось — почему за столько дней ни разу не удосужился заглянуть в пригласительные билеты?!

«Папа, пойдём, мы успеем», — повторил сын. И вдруг я почувствовал такую непередаваемую тяжесть, сковавшую тело, будто кто-то невидимый внезапно положил на плечи свои свинцовые удерживающие руки. «Нет, Миша, останемся здесь», — сказал я.

От автора

В зарплате проигрывал, зато взору открывалась вся стройка.

О том, что «собкорство» незаконно, не было никаких мыслей. Да и откуда им было взяться? С ведома крайкома партии и крайкома комсомола стал работать в газете, а зарплата?! Не я первый и не я последний таким образом получал деньги. Футболисты, хоккеисты получали зарплату на предприятиях как токари и фрезеровщики высшего разряда, а сами гоняли мяч или шайбу. Да что там спортсмены! Иная секретарь-машинистка работала в горкоме, а зарплату получала как лаборантка в каком-нибудь НИИ. (Порождение системы.) Для таких работников даже существовало вполне официальное название — «подснежник». Из ниоткуда появляется в зарплатной ведомости и в определённый срок исчезает.

Около пяти лет мои очерки и статьи печатались в «Молодёжке» за подписью сборка — и ни у кого ко мне не было никаких

Шум аплодисментов стал стихать, зал обрёл прежние строгие очертания. Глядя на сцену, сын подвёл итог: «Теперь всё, поезд ушёл». Он был разочарован, он не понимал, почему я не воспользовался счастливой возможностью оказаться в президиуме — переговорил бы с кем-нибудь из столь высоких начальников. (Подписка о невыезде длилась второй год.)

Я сам не понимал, но как-то очень остро чувствовал, что отдался какому-то другому неведомому течению вод, которые ещё не вошли сюда, под своды Колонного зала. Увидев за столом президиума Гейдара Алиевича Алиева, подумал отвлечённо, как бы и не о себе: из этих вод не выплыть, слишком уж они затянуты плотной стоячей ряской.

— Что тебя смушало тогда — что не удосужился заглянуть в пригласительные билеты или отказ от места в президиуме? — спросила жена. — Имей в виду, по законам того времени даже знаменитые писатели только таким способом, не афишируя своего участия, могли защитить тебя.

— В том-то и дело! Литературный вечер, посвящённый Шолохову, стал водоразделом. Прежде совпадения фактов, указывающие на присутствии Высшей Справедливости, я считал случайными, теперь пришло понимание, что случайность не случайна — Бог есть! И первое наглядное свидетельство Он явил 16 июня 1984 года, когда газета «Известия» опубликовала фельетон в мою защиту. Да, именно тогда, потому что день публикации совпал с днём рождения нашей дочери Наташи.

— О Господи! Даже сейчас, спустя столько лет, не могу спокойно думать об этом, — со вздохом сказала жена. — А власть?! Только чтобы ошутимее третируют нас, взялась за Наташеньку. Её, отличницу, втайне от всех вдруг решили перевести в школу для дебильных!

— Я помню, как мы побывали у классной руководительницы и она со слезами жаловалась, что это распоряжение директрисы школы. Но я не об этом. Публикацию фельетона в день рождения Наташи я хотя и расценил как случайное совпадение, именно оно подтолкнуло меня послать жалобу-телеграмму кому-нибудь из членов Политбюро ЦК КПСС. Вышло — на Горбачёва.

— А потом мы узнали, что его жена Раиса Максимовна — из Рубцовска. А сам Михаил Сергеевич родился 2 марта. Господи, какой восторг я испытала! Потому что 2 марта — день нашей регистрации в Рубцовском загсе.

— Эти совпадения тревожили, но я опасался говорить о них.

ГОРБАЧЁВА

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ СССР,
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ СССР,
СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РСФСР,
МОСКОВСКАЯ ПИСАТЕЛЬСКАЯ
ОРГАНИЗАЦИЯ

ПРИГЛАШАЮТ ВАС
НА ТОРЖЕСТВЕННЫЙ ВЕЧЕР,
ПОСВЯЩЕННЫЙ

80-
ЛЕТИЮ

СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ВЕЛИКОГО СОВЕТСКОГО ПИСАТЕЛЯ

Михаила
Александровича

ШОЛОХОВА

Председатель — Г. М. МАРКОВ

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ

К О Н Ц Е Р Т
МАСТЕРОВ ИСКУССТВ

— Ты опасался, потому что поначалу был нечувствителен к ним.

— Возможно. Уж так устроен человек, что только в момент высшей опасности он по-настоящему внимателен. Совпадения приобретают для него именную сакральность, он угадывает в них тайные знаки судьбы.

— Прошу, спустись с облаков. Я поняла, но не досконально. А я хочу понять досконально до каждой молекулы, до каждого атома.

— Нет-нет, здесь всё происходит в душе. «Всё изречённое есть ложь». Небо — и земля. Мысль в словах слишком тяжеловесна. Можно только намекнуть.

— Пожалуйста, намекни.

— Как инженеру-технологу Петухову? (Мы засмеялись.) Любому изделию соответствует своя особая инструкция по эксплуатации. Она как бы растворена в изделии. И притом, как правило, соответствует предпочтениям того, кто изделие изобрёл. И если этого не учитывать, то можно попасть в просак.

— Как это произошло с нами после твоей встречи с Михаилом Сергеевичем Горбачёвым. (Она виновато улыбнулась.)

О приезде Михаила Сергеевича в Новгород высшие власти знали, но не распространялись. Приезд был неофициальный. Кажется, в конце ноября 1994-го. В те времена в центральных СМИ периодически сообщалось, что Горбачёва хотят привлечь к судебной ответственности — развалил СССР, в чистое поле вывел контингент наших войск из Германии, предал верного друга советской власти Эриха Хонеккера и прочее, прочее... Особенно возмущала Нобелевская премия мира. Считалось, что он получил её за развал Советского Союза.

* «Рассказ технолога Петухова» — песня Юрия Визбора.

Тем не менее глава Новгородской области Михаил Прусак распорядился встречать Михаила Сергеевича как высокого гостя. Были запланированы встречи с рабочими, кажется на заводе «Азот»; со студентами — в пединституте; с творческой интеллигенцией — в недавно отстроенном здании областного телевидения, пустота площадок и голых стен которого стала раздольем для живописцев.

Они выставили свои полотна в расчёте на приезд Раисы Максимовны. Её патронаж Советского фонда культуры, которым руководил академик Дмитрий Сергеевич Лихачёв, был хорошо известен в Новгороде, художники были уверены — Раиса Максимовна не пройдёт мимо, непременно посмотрит на их полотна.

Горбачёв приехал один. С момента, когда я обратился к Михаилу Сергеевичу с жалобой-телеграммой на прокуратуру Алтая (июнь 1984), прошло десять лет.

Итак, я ничего не знал о приезде Горбачёва и тем более, что его встретят как высокого гостя. Как раз в это время прошло сообщение, что где-то в Омске какой-то негодяй подкрался к Горбачёву сзади, чтобы ударить в ухо. Не знаю, но распространять подобное через СМИ — это ли гласность, к которой он призывал?! Беспардонные нападки на первого и последнего президента СССР задевали меня, усиливали желание побывать на встрече. Я считал своим долгом поблагодарить Михаила Сергеевича за помощь, которую он оказал.

Горбачёв стал генсеком в марте 1985 года, а 5 мая, в День советской печати, моё псевдодело, длившееся около двух лет, было прекращено — вследствие изменения обстановки. О чём прокуратура Алтая так и не удосужилась сообщить.

Узнав, что на встречу с Горбачёвым составляются списки, поехал к новгородскому поэту Юрию

Фабричнину. Он тогда был главным редактором областного радио, на котором я вёл ежемесячный журнал «Литературный Новгород».

Хорошо помню, был сырой холодный день, шёл дождь со снегом. Я так спешил, что влетел в кабинет без стука: «Юра, где и когда будет встреча с Горбачёвым?» Юрий Николаевич посмотрел на меня с какой-то непередаваемой досадой. «Отряхнись и присаживайся. Что стряслось?»

— Всё-таки Фабричнин прежде всего хороший человек, — вставила Галя.

— Я всегда говорил: если поэт — поэт, он не бывает плохим.

Узнав, что меня не было в городе, Юра сказал, что встреча состоится сегодня в здании областного телевидения в 19:00 — запускать будут по списку.

«Ты есть в списке?» Юра весело ухмыльнулся: «Вместо меня не проскочишь. Я отказался. (Кивнул на стопки бумаг.) Дел по горло».

— «Тогда помоги мне, мне надо попасть на встречу». — «Иди к Смирнову. Телевидение и радио — вотчина Виктора Григорьевича. Кстати, писателя, который, насколько мне известно, как раз и будет вести встречу с Горбачёвым». — «Юра, ну ты знаешь Смирнова?! Между Смирновым-писателем и Смирновым-политиком — ничего общего. К тому же он всегда отдаёт предпочтение Смирнову-политику». — «Не политику, а историку». — «Хорошо — историку, в своё время закончившему Ленинградскую высшую партийную школу... Юра, если не поможешь, конечно, пойду к Смирнову. Придётся рассказывать, почему я хочу быть на встрече. А это слишком длинная песня, ему легче отказать мне, чем вникать. А ты всё знаешь, тебе не надо ничего объяснять».

— «Что я знаю?! Зачем тебе встреча?» — «Хочу поблагодарить, особенно сейчас, когда спускают на Горбачёва всех собак — причём зачастую бешеных».

— Ты ему сказал, что Михаил Сергеевич и Раиса Максимовна для нас — как родственники? — спросила Галя.

— Нет. Я сказал, что не будь Горбачёва, не было бы моей повести «Огонь молчания», которую он (Юрий Николаевич) прочёл и похвалил. На Юрином лице вновь появилась весёлая ухмылка. Он напомнил — мы с ним сидели в гостиной, а ты с его Татьяной что-то готовили на кухне, и Татьяна с восхищением отзывалась о повести, а он здесь ни при чём.

— Да, действительно, всё так и было. И что ты ему сказал?

— Я сказал, что хватит дипломатничать, нужно звонить кому надо. И он стал звонить.

— Татьяна много раз говорила о Юриной деликатности и скромности. Жаловалась: «Он очень талантлив, но из-за своей чрезмерной скромности всегда находится в тени».

— Татьяна права. Юрий Фабричнин очень одарённый человек, причём разносторонне. Как-то пришёл к нам в офис новгородского отделения писателей. Был 1989 год. Художники Сергей Иванов и Анатолий Дерябкин как раз принесли заставку названия будущей писательской газеты «Вече», чтобы отлить в типографии.

И вроде шрифт подобрали под старославянский, и написали превосходно. А всё же чего-то не хватало. И так кручу и сяк — не могу понять. Подошёл Юра, посмотрел и говорит: «В слове «Вече», между буквами «е» и «ч» пустое пространство? В это пространство просто просится изображение вешнего колокола». Толя Дерябкин тут же тушью нарисовал колокол — гениально! Так и пошло название газеты с колоколом. Впоследствии сложилось мнение, что колокол художники придумали. Нет. Колокол придумал Фабричнин, хотя об этом он никогда и нигде не упоминал.

Юра позвонил одному чиновнику, другому... «Что говорят?» — «Посылают». — «Подальше?!» Юрий усмехнулся: «Повыше. Сейчас, если — «нет», буду звонить главе администрации».

Звонить не пришлось. Чиновник, занимающийся списками, сообщил, что нет проблем. От писательской организации обозначен Дмитрий Михайлович Балашов, а по квоте разрешено присутствие двух маститых писателей. И ещё сказал, что ровно в 12:00 начнёт рассылать списки по местам встреч.

Так что мне повезло — только-только успел.

Здание областного телевидения в Великом Новгороде построено рядом с нашим домом — Рахманинова, 13. Но пройти к нему — проблема. Строительные ямы и траншеи с трубами теплотрасс до сих пор стоят перед глазами — обычный вид из окна.

К вечеру похолодало, редкий дождь уступил место густому снегу.

Я вышел из дома примерно за час до начала встречи. Мой план был прост — подарить Михаилу Сергеевичу свою книгу повестей и рассказов «Огонь молчания», которая вот только что вышла в «Лениздате». Я подписал её

выстраданным текстом, в котором главным было — признательность. Ещё я захватил листик, адресованный мне из секретариата члена Политбюро ЦК КПСС М.С. Горбачёва, о том, что моё так называемое дело находится на рассмотрении.

— Этот листик ты получил в 1984 году, и мы берегли его как зеницу ока, но во время работы над «Огнём молчания» ты потерял его.

— Не потерял, а положил среди прочих бумаг, связанных с делом. Думал — не понадобится.

— Ничего подобного, мы с Натасей нашли этот листик в папке переписки с Литфондом СП РСФСР.

— Не помню. Слишком много воды утекло.

Вышел из дома, сделал несколько шагов и поскользнулся — упал, как подкошенный. Благо, что книга была в целлофановом пакете. Вскочил, первым делом — книга и драгоценный листик.

Книга и листик были целы, а вот левый рукав и пола пальто пострадали — на белых пятнах от снега зияли отчётливые проплешины грязи. Вернуться?! Время позволяло. Нет — нехорошая примета. Отряхнулся, насколько мог, и, чтобы идти по асфальту, пошёл на телестудию в обход — через автобусную остановку «Рахманинова».

Пришёл где-то за полчаса до начала. В гардеробной пальто повесил отдельно. Людей почти не было, бродили по залам, смотрели картины местных художников. Аудитория, выделенная для встречи, была абсолютно пустой. Сел во втором ряду у прохода — место достаточно удобное, чтобы подарить книгу.

Появился Дмитрий Михайлович Балашов в обычном своём облачении: двубортном зеленоватом пиджаке, косоворотке серого цвета и яловых сапогах. (В таких я когда-то стоял у трапезной доски на БМРТ «50 лет ВЛКСМ».) Поздоровались. Он тоже сел у прохода сзади меня. Следом за ним, словно прорвало, стулья заполнились безостановочно. Вначале последние ряды, потом возле нас. Наконец, остался незаполненным только первый ряд — гостевой.

Теперь у входной двери напротив последнего ряда образовалась куча народа. Толпились в основном фото- и тележурналисты. В какой-то момент толпа качнулась — по проходу вполборота к следующим за ним быстро продвигался к столу с графином директор нашего областного телевидения и радио Виктор Григорьевич Смирнов. Его ныне знают как основателя Новгородского телевидения. А мне, как составителю сборника «Огни над Волховом», запомнился его удивительно красочный очерк «Холынские огурцы» — «а, да что там, снова живём!».

Возле Балашова Виктор Смирнов остановился, сообщил: «Дмитрий Михайлович Балашов — писатель».

Меня тётка не заметил, видимо, в оговорённой квоте двух маститых писателей он имел в виду себя. Ну да ладно.

Окончание читайте
в следующем номере

Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru